

Протоиерей Владимир Соколов

ОТЦЫ И ДЕТИ

*В те дни уже не будут говорить: отцы ели кислый виноград,
а у детей на зубах оскомина, но каждый будет умирать
за своё собственное беззаконие; кто будет есть кислый виноград,
у того на зубах и оскомина будет». (Иер.31,29–30)*

Проблема отцов и детей как проблема падения нравственности

Проблема отцов и детей существовала во все времена. Уже в египетских папирусах встречаются жалобы современника на то, что дети не почитают своих родителей, и на то, что нынешние времена гораздо хуже прежних. Одно поколение сменяет другое, на смену второму приходит третье, третьему — четвёртое, но у каждого предыдущего есть внутреннее ощущение, что раньше жизнь была лучше. Вряд ли можно было когда-нибудь отыскать пожилого человека, который бы признал, что сегодня лучше живётся, чем жилось вчера.

И это не субъективное ощущение стариков, а, увы, объективная реальность жизни падшего человечества. Если и улучшается материальная жизнь человека, то нравственная жизнь деградирует. И это процесс настолько интенсивный, что он становится заметным каждому поколению. Но именно с нравственной, а не с материальной стороны оценивает каждое поколение свою жизнь. И это показывает, что нравственный критерий является для человека главным в оценке жизни.

Только в контексте вечной жизни человека можно понять роль нравственности — её связь с бытием, а не с бытом. Вечно-го человека никогда не сможет удовлетворить быт, ибо он жаждет бытия. Человек не может жить без религии, — без веры. Если он

не верит в истинного Бога, то он создаёт себе идолов. Если он не верит ни в Бога, ни в идолов, он становится атеистом. Но атеизм есть такая же религия, как и все прочие. Атеист лишь присваивает материи то, что принадлежит Богу. Он верит, что материя вечна, что она обладает разумом и творческой способностью, что она создаёт природу и человека. Это говорит о том, что религиозное чувство глубоко присуще человеку, что человек не мыслим без этого чувства. И даже там, где человек отрицает это чувство, — он его парадоксальным образом утверждает.

Религиозное чувство связано с нравственностью: чем выше нравственность, тем чище, целомудренней и ярче это чувство. Но и сама нравственность имеет в человеке очень глубокое основание. Апостол Павел говорит о том, что нравственное чувство присуще всем, даже язычникам, которые, не имея закона «по природе законное делают... они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чём свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим.2, 14–15).

Но если это религиозное чувство, диктующее человеку, что можно делать, а чего нельзя, притупляется в нём, то вместе с этим внутренним чувством теряется

и непосредственное ощущение причастности к вечной жизни. Человек теряет чувство полноты и радости жизни — именно поэтому ему и кажется, что жизнь стала хуже. А так как безнравственная жизнь очень быстро разрушает и человека, и мир, то это ощущение потери чего-то главного в жизни заметно становится каждому поколению. Поэтому и сама проблема отцов и детей — это, прежде всего, нравственная проблема, проблема потери этого непосредственного религиозного чувства, которое действует через совесть человека. Проблема поколений в конечном итоге сводится к проблеме атрофии совести, причём с обеих сторон, как со стороны отцов, которые, думая только о себе, не чувствуют никакой ответственности за жизнь следующего поколения; так и со стороны детей, которые не проявляют заботы о родителях, потому что это мешает их собственной жизни.

Если нет вечной жизни, то, естественно, каждое поколение захочет взять от жизни всё, что ему причитается и даже то, что не причитается, ведь другой жизни нет. Поэтому каждое последующее поколение вырастает более безнравственным, порождая, в конце концов, нравственных уродов — монстров, которых, кроме своего благополучия, уже вообще в жизни ничего не интересует.

Язычники избавлялись от своих немощных предков. В Древней Греции стариков сбрасывали со скалы. Похоже, сегодня мы снова возвращаемся во времена язычества. Эвтаназия (намеренное устранение безнадежно больных людей) по существу является таким же языческим обычаем «сбрасывания со скалы». Сам факт, что эта проблема вообще стала предметом обсуждения, говорит уже о том, что христианские критерии оценки жизни исчезли в обществе.

Но изменилось и отношение старшего поколения к младшему. Старшее поколение также желает взять своё и потому не отпускает из своих рук то, что оно завоевывало в конкурентной схватке за блага жизни с предыдущим поколением. Так жизнь превращается в сплошную битву за доступ к «кормушке», в которой выживает сильнейший.

Появились уже и идеологи «новой» философии. Н. Амосов в статье «Моё мировоззрение», опубликованной в журнале «Вопросы философии» (не в какой-нибудь сомнительной газетке!), наставляет молодёжь, склонную к интеллектуальному осмыслению жизни: «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За лич-

ность и свободу — её сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых». Надо, однако, напомнить автору, претендующему на философское осмысление современного положения, что личность и свобода не совместимы с эксплуатацией. Использование других людей — есть измена свободе и личностному бытию, потому что личностное становление и свобода связаны с нравственностью, а эксплуатация безнравственна. Кроме того, как же можно совместить личность и свободу с тем, что «человек есть стадное животное». Член популяции (стада) — более уместный в данном контексте термин. Тем более, что в этой «новой» философии ничего нового нет, — она стара, как мир, и является лишь философской маскировкой давно известной языческой поговорки: «Человек человеку волк». И в этой старой поговорке человек назван животным.

Но истории известны и другие отношения между поколениями. За что старикам всегда оказывалось особое почтение? Не за власть, не за богатство и не за прочие внешние блага — только за мудрость, за опыт осмысления жизни, которым обладает старый человек и который ещё не успел приобрести молодой. В этом была цементирующая связь поколений,

которую невозможно было никакими внешними воздействиями разрушить, ибо это была внутренняя, глубинная связь.

Однако здесь возникает вопрос о подлинности опыта. Ведь вор тоже обладает опытом и также стремится этот опыт передать молодым, чтобы их использовать в своём чёрном деле. Подлинный опыт — это только тот опыт, который связан с нравственным становлением человека, потому что этот опыт раскрывает перед человеком истинное бытие и вводит его в это бытие.

Но атрофированным религиозным чувством невозможно ничего узнать о подлинном бытии. Поэтому современный человек находится в замкнутом круге ложных представлений о мире: безнравственная жизнь, подобная жизни животных, не даёт человеку познать подлинную жизнь, а отсутствие знания об этой жизни мешает нравственному его обновлению. Поэтому-то сегодня и старикам нечего сказать молодёжи — у них нет накоплений подлинной мудрости. Бунт молодых возникает там, где иссякает духовная мудрость. Бунт молодых циничен, потому что они обнажают лицемерие, которое уживается на всех уровнях жизни. Молодёжь взглядом, ещё не испорченным лицемерной жизнью, видит, что реальная жизнь не соответствует тем громким словам, которые мы

все любим произносить по любому поводу. Отсюда её нигилизм и агрессивное отношение к предыдущему поколению. Молодёжь чувствует себя обманутой. Жажда справедливости, но уже без веры в Бога, рождает хилиастические надежды на осуществление правды здесь, на земле. Молодёжь начинает построение своего рая, но вскоре убеждается в том, что и эти её надежды бесплодны — ею овладевает уныние или, как реакция на уныние, появляется у неё цинизм.

О значении национального в духовной жизни

Проблема связи поколений — это проблема духовная. Отцы должны передавать детям духовное наследство, то наследство, которое не истлевает и вводит их в вечность. В этом смысле интересно взглянуть на православие как на традицию отеческую, т. е. ту традицию, в которой происходит передача живого духовного опыта от отцов к чадам. Здесь формируются новые отношения отцов и детей, не конкурентные, разрушительные, а заботливые, создающие и взаимообогащающие.

Собственно, и государственная жизнь в России мыслилась как преемственность поколений. Старшее поколение совер-

шало жертву для будущих поколений, трудясь впрок, осваивая пространства, создавая материальные и храня культурные богатства. Младшее же поколение понимало: ему оставили в наследство то, чем не воспользовались сами, что мудро сохранили для них, это и их понуждало совершить такую же жертву для своих детей и внуков. Недаром и само государство у нас называлось Отечество, этим указывалось на его самый существенный признак — на преемственность от отцов. То, что жизнь нашего государства была самым теснейшим образом связана с православием, с опытом святых отцов, не могло не повлиять и на государственную жизнь.

Само Отечество мыслилось как оплот православия, а понятие русский как христианин (крестьянин). Русский, говорил Ф. М. Достоевский, это всечеловек. То есть русский — это понятие, не соотносённое с какими-то национальными признаками, а с тем, что свойственно всему человечеству. Христос принадлежит всему человечеству, в Нём нет «ни Еллина, ни Иудея» (Кол.3,11). Русский это тот, кто принадлежит Христу. Так Отечество земное может вести к Отечеству Небесному.

Но земная жизнь человека связана всегда с земным Отечеством. Даже жизнь Богочеловека была связана с Его земным Отечеством.

Любовь ко всему человечеству Он выражал через любовь к тем, кто был к Нему ближе. «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф.15,24), — говорит Господь. Его миссия общечеловеческая, но осуществляется она через своё Отечество. Любовь может иметь только конкретное выражение, как любовь к тому, кто находится возле тебя. Любовь к абстрактному человечеству, к дальнему [1] может превращаться в ненависть к близким, которые мешают эту любовь ко всему человечеству осуществить. Поэтому разрушение Отечества не может привести к любви ко всему человечеству. Такое разрушение может привести не к всеобщей любви, а к всеобщей ненависти, которая и разрушит весь мир.

Когда нам сегодня пытаются внушить ненависть к Отечеству, то нам внушают и ненависть ко всему миру. Опыт такого агрессивного разрушения Отечества, с тем чтобы построить мировое коммунистическое государство у нас уже был, но и миру от этого лучше не стало. Сегодня нас хотят ввести в мировое капиталистическое государство, в общемировой рынок. Но для этого мы должны будем отказаться от Отечества земного, а вместе с ним и от Отечества Небесного, потому что в нашей русской традиции это настолько связан-

ные друг с другом понятия, что разрушение земного обязательно приведёт и к разрушению Небесного. Не с этим ли связана нынешняя протестантская и католическая экспансия в России? Ведь пока мы остаемся православными, нам невозможно будем отказаться от земного Отечества, а это будет существенным препятствием для того, чтобы ввести нас в общемировое государство.

Антихристу прежде, чем придти к власти, необходимо разрушить две составляющих русской монархической традиции, которая по толкованию святых отцов, является удерживающей силой, противодействующей приходу антихриста — нравственность и государственность. Сегодня мы можем сказать, что это разрушение ему удаётся.

Отказ от традиции отцов, от живой связи поколений будет гибелью России, ибо Русь как государство сложилась с зарождением

христианства. Без православия Россия перестанет быть Россией, она станет такой же раздробленной на отдельные племена, какой была до принятия христианства. Но на наших глазах сегодня уже совершается такой процесс. Остановить его может только осознание нами, что русскость заключена в православии, в христианстве. Если мы не удержим православия, то мы как страна, как государство, как Отечество, рождающее сынов, исчезнем, ибо Отечество — это понятие не географическое, а духовное.

Но надо понять, что с исчезновением России, воплощающей общехристианские идеалы, — и у всего остального мира не останется шансов выжить, потому что новое язычество с волчьими законами животной жизни, которые оно активно насаждает сегодня, погубит мир, ибо мир стоит только до тех пор, пока он рождает человека в жизнь вечную.

1. Ницше советовал: «Братья мои, не любовь к ближнему советую я вам: я советую вам любовь к дальнему и будущему».